

А. Ф. Вельтман

Неистовый Роланд

Русские повести XIX века 20--30-х годов. Том первый
М.,--Л., ГИХЛ, 1950

Подготовка текста, вступительная статья и примечания профессора Б. С. Мейлаха
[OCR Бычков М. Н.](#)

ГЛАВА I

В одном из пятидесяти пяти губернских и пятисот пятидесяти пяти уездных городов Российской империи в заездной корчме ходил по комнате из угла в угол человек лет тридцати, важной наружности, с пламенными черными глазами, с пылким румянцем на щеках. На нем был синий сюртук; три звезды светились на груди; беспокойство и смущение выражались во всех чертах.

Двери в хозяйскую спальню были притворены. Подле спальни в кухне молодая еврейка стряпала кугель и готовила чай для постояльца.

Вдруг раздалось громкое восклицание постояльца.

-- *Ангелика!* -- произнес он отчаянным голосом.

-- *...Ангелика!* -- повторил знаменитый постоялец, остановись посреди комнаты. Очи его были неподвижны, поднятая рука тряслась.

-- *Природа!* -- продолжал он, -- *ты глуха к воплям несчастного! Слезы мои пробили дикие камни и не смягчили тебя, чтоб отдать мою собственность!.. В степь обращаю я вселенную, чтоб в беспредельных равнинах Ангелика не могла скрыться от взоров моих!.. Ангелика! Неужели в обширном свете есть место, которое в состоянии утаить тебя?..*

После некоторого молчания он ударил себя в грудь и продолжал голосом страдания:

-- *Боже всевышний! Бесконечная борьба!.. Или не довольно мучений?.. Какая фурия омочила ядовитый кинжал в крови моей?.. В юдоли спокойствия, в ее объятиях, в минуту блаженства... он сам совершил свой приговор!.. Может быть, она предпочла суровому названию воина нежное имя пастуха! Своенравное божество любви! Лей в рану мою яд!.. Она не чувствует его более!.. Что ж медлю я! Иди, ищи ее, несчастный!..*

С сими словами он бросился в сторону.

-- Тышэ, судэр! -- вскричала еврейка шепелявым наречием, отскочив от исступленного постояльца. В руках ее был поднос, на котором внесла она засаленный чайник с чаем, другой с горячей водой, третий с молоком, блюдечко с четырьмя кусочками сахара и другое -- с хлебом.

-- А, Рифка! Теперь ты от меня не уйдешь! -- вскричал знаменитый постоялец, сдавив в своих объятиях еврейку, едва только успевшую поставить поднос на стол.

-- Дз! Тышэ, судэр! -- вскричала еврейка, защищаясь от поцелуев, которые сыпались на лицо ее, и с трудом вырвавшись из рук постояльца.

Когда она выбежала из комнаты, неизвестный посмотрел пламенными очами вслед за ней; налил стакан чаю, выпил его почти залпом, прошел несколько шагов по комнате, снова остановился посреди комнаты, вскинул руки и закричал:

-- *Проклятый! И ты не сбросил их в ад!.. Да, я все опустошу, что только носит на себе отпечаток постыдной любви!.. Погибните, нечистые тени, блюстители гнусных наслаждений и свидетели моего стыда!.. О! Будь дыхание мое подобно бурному вихрю!..*

Вслед за сими словами проклятия полились потоком; Рифка выбежала из кухни и приложила глаза и уши к скважине.

-- *Солнце!* -- продолжал неизвестный. -- *Скройся, если ты когда-нибудь приблизишься к золотому пути своему в этой плачевной юдоли! Луна! Отврати луч небесного твоего света от постыдного места! Вечная ночь! Покрой собою это адское жилище! Смертоносный воздух! Растли приближающегося сюда странника!.. Лютые тигры! Селитесь здесь!..*

В это время наружные двери заскрипели, кто-то вошел в комнату. Неизвестный продолжал, но уже гораздо спокойнее: